

ских параметров, в том числе коэффициентов корреляции по древним группам, и таблицы средних величин по группам I — начала II тысячелетия (стр. 187—381). Но, к сожалению, совершенно отсутствуют краниограммы и фотографии черепов.

Книга Р. Я. Денисовой «Антропология древних балтов» — веха в антропологии Прибалтики и крупный вклад в палеоантропологию СССР.

И. И. Гохман

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Радосав Меденица. Наша народна епика и њени творци. Црногорско-херцеговачка планинска област — постојбина патриархалне културе и епске песме динараца. Цетиње, 1975, 415 стр.

Появление книги Р. Меденицы, посвященной эпической поэзии и певцам черногорско-герцеговинского региона, — значительное событие в славянской фольклористике. В ней собран и проанализирован большой фактический материал, поставлены важные теоретические вопросы и во многих случаях дано их оригинальное решение. Следует сразу же отметить, что ученый пишет основательно, глубоко освещая каждую привлекаемую деталь, с большой заинтересованностью в предмете, вдохновенно, увлекательно. Чувствуется, что народная песня для него не предмет кабинетных раздумий, а дело всей жизни, что он знает ее не только по чужим записям и работам, но и в непосредственном бытовании — такой, какой она жила в истории и живет в современности.

Центральная в монографии Р. Меденицы — проблема певца, гусляра, сказителя. С ней связаны проблемы эпической среды, эпической памяти и памяти самого гусляра, взаимоотношения народной песни и истории. поэтики народной песни. Особенно занимает ученого вопрос — как от певца к певцу изменялась и обогащалась народно-песенная эпическая традиция.

Во введении к монографии дана географическая, этнографическая и историко-культурная характеристика черногорско-герцеговинского региона, поставлены основные проблемы исследования.

О том, что в интересующем Р. Меденицу регионе эпическая традиция уходит в глубокое прошлое, свидетельствуют легендарно-мифологические песни, которые рассматриваются в первой главе. Здесь же поставлен вопрос об индивидуальных особенностях певца, о песенной реализации тех или иных сюжетов.

Р. Меденица старается исследовать пути становления народного эпоса. Эта проблема находится и в центре второй главы, посвященной перастским рукописям Юлия Баловича и Николы Мазаровича. Речь идет об основных типах народных песен, о взаимоотношениях между так называемыми бугарштицами и песнями, созданными в классическом десетераце.

В последующих главах даются портреты черногорских и герцеговинских певцов и собирателей эпоса и характеризуются отдельные сборники. Меденица говорит и о «гуслярах Вука», и о певцах более позднего времени; пишет он и о сборниках, появившихся после Караджича, что имеет принципиальное значение, так как до сих пор мы встречаемся с недооценкой поздних записей. Известно, например, что В. Иванович считал их фальсификатами, того же мнения придерживался и такой крупный знаток сербского эпоса, как И. Н. Голенищев-Кутузов.

Есть и другая сторона проблемы. Я имею в виду известную полемику между Альбертом Лордом и Рамоном Менендесом Пидалем. Лорд утверждал, что певец не просто носитель традиции, но художник, создающий ее; представляя традицию, он одновременно выступает и как творец. По мнению Пидалья, Лорд преувеличивает роль индивидуального начала, роль импровизации². Между тем в народном искусстве традиция и импровизация составляют диалектическое единство³. Глубокое понимание ди-

¹ См.: «Эпос сербского народа. Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов», М., 1963, стр. 272; И. Н. Голенищев-Кутузов, Славянские литературы, М., 1973, стр. 305.

² См.: А. В. Lord, The singer of tales, Cambridge, Mass, 1960; Р. Менендес Пидаль, Югославские эпические певцы и устный эпос в Западной Европе, «Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка», 1966, т. 25, вып. 2, стр. 102—117 (публикации статьи Пидалья предпослано предисловие В. М. Жирмунского, имеющее большое методологическое значение).

³ Это убедительно показано в работах В. М. Жирмунского. См. также: П. Г. Богатырев, Вопросы теории народного искусства, М., 1971, стр. 393—400.

алектики традиции и импровизации лежит и в основе книги Меденицы. Примечательно, что многие его выводы созвучны тем положениям, которые утвердились в советской фольклористике.

Очень интересна глава о старце Милии. Меденица рассматривает четыре его песни — «Бановић Страхиња», «Женидба Максима Црнојевића», «Гавран харамбаша и Лимо» и «Сестра Леке капитана». Первой из них он посвятил ранее специальное исследование⁴. Сейчас ученый касается главным образом вопроса о своеобразии Милии как гусляра, о его роли в развитии сербской эпической традиции. Меденица пишет: «Песенная сила старца Милии представляет в известном смысле нить, которая ведет к Негошу» (стр. 67). По сути в монографии собрано немало фактов, свидетельствующих о процессе перехода от фольклорного сознания к литературному.

Общий закон диалектического единства традиционного и индивидуального по-разному проявляется себя в конкретных ситуациях, в творчестве разных певцов. Иной тип творчества, по сравнению с Милией, представляет Тешан Подругович. Этот гусляр прекрасно знал фактуру эпической песни, располагал множеством схем, клише и так называемых общих мест. Он был не только талантливым «резонатором» и интерпретатором народной песни, но и импровизатором. Известно, что именно Подруговичу Вук обязан значительнейшей частью песен о Марке Кралевиче. Их поэтике Меденица уделяет особое внимание.

В монографии речь идет и о других «гуслярах Вука». Это и гайдук Стоян Ломович, и Рашко Колашинац, и Йован Ковач, и Тодор Йков Пипер, и Джуро Милутинович Черногорец, и Джуко Среданович, и Саво Матов Мартинович, и Вук Попович. Ученого в первую очередь интересует репертуар певца. При рассмотрении каждой песни, точнее, каждой записи принимается во внимание и личность творца и исполнителя. Вот, скажем, «Зиданье Скадра» — одна из жемчужин сербской народной поэзии. Вук записал ее от старца Рашко. Меденица стремится выявить в песне черты творческой индивидуальности этого гусляра.

Говоря о «Вуковых гуслярах», исследователь высказывает немало новых соображений о собрании Вука, о его структуре, о его роли в развитии сербского эпоса. Речь идет и о взаимоотношениях Вука с гуслярами, о его гениальном чутье, его стремлении и умении находить «истинных певцов».

Большой очерк в книге посвящен Петру I Негошу. Опираясь на исследования Т. Джукича и Н. Банашевича, Р. Меденица характеризует значение этого видного политического и государственного деятеля в развитии эпоса. Материал очерка позволяет поставить вопрос о различных слоях эпоса в зависимости от его носителей: от старой классической эпической песни до прозаической песни-хроники. С именем Петра I Негоша связан, по мысли Меденицы, определенный перелом в истории эпоса: именно он вводит в песню элементы нового, вызванные непосредственными откликами на живую современность.

Песни разных типов обнаруживает Меденица в сборнике Симы Милутиновича Сарайлии «Певанија црногорска и херцеговачка» (1833, 1837). Сборник этот имел редкую и удивительную судьбу. По существу он выпал из поля зрения исследователей. Меденица подвергает записи Милутиновича тщательному анализу. Богатая и разнообразная тематика, глубокое и разностороннее освещение тем старого эпоса, публикация записей от многих гусляров всех районов Черногории и прилегающих областей, интересные параллели к сюжетам Вука — все это делает сборник Милутиновича важным источником для истории эпоса.

Большой интерес представляет раздел книги о Петре II Негоше, о его участии в развитии народного эпоса. Речь идет в первую очередь о сборнике «Огледало српске». Создатель «Горског виџенаца» предстает перед нами как собиратель, редактор и творец народных песен. Меденица дает всесторонний анализ этой своеобразной эпической стилистики, отражающей освободительную борьбу черногорцев и сербов от начала XVIII до времен Негоша.

Народная песня и освободительная борьба — одна из важнейших тем книги Меденицы. Многие сербские гусляры, портреты которых даны в книге, были активными участниками освободительной борьбы. Так, Тешан Подругович участвовал в Первом сербском восстании, был храбрым и мужественным гайдуком. Биографии многих гусляров неотделимы от героической истории народа, от его мужественной борьбы против поработителей. Колоритна фигура воеводы Мирко Петровича, героя Граховской битвы 1 мая 1858 г., выдающегося представителя гуслярской поэзии, создателя сборника песен «Јуначки споменик», посвященного событиям 1852—1862 гг. Анализ этой книги позволяет исследователю охарактеризовать важные особенности песни-хроники, иногда, впрочем, принимавшей форму старинного эпоса.

В связи со сборником «Јуначки споменик» Меденица ставит вопрос о том, в каких случаях авторские песни, сложенные десетерацем и зафиксированные в том или ином сборнике, могли быть преобразованы в народные. Это происходило только тогда, когда они соответствовали народному духу и характеру, являлись органическим выражением психологии и идеалов среды, в которой возникли и с которой срослись. Такого рода

⁴ См.: Р. Меденица, Бановић Страхиња у кругу варијаната и тема о невери жени у народној епизи, Београд, 1965.

песни нужно рассматривать как продукт развития народного эпоса, их нельзя отбрасывать как «ненародные».

Народная песня в своем развитии не только отражает героическую борьбу народа, но и участвует в ней. Поэтому чрезвычайно важен вопрос о взаимоотношениях гусляра с его слушателями, о восприятии народной песни. Этот аспект также присутствует в книге Меденица, в частности там, где речь идет о певцах более позднего времени, например о Николе Бастаче и Максиме Шобанче. Эти гусляры воспевают черноморско-герцеговинские битвы с турками 1875—1879 гг.

Принципиально важно, что Меденица подвергает тщательному анализу не только публикации Караджича и Милутиновича, но и ряд других сборников, как опубликованных, так и рукописных. С исключительной теплотой говорит он о деятельности П. А. Ровинского — выдающегося собирателя и исследователя. Он показывает большое научное значение материалов, собранных русским ученым, для решения проблемы взаимоотношений между старым эпосом и песней-хроникой.

Жаль, что Р. Меденица не смог воспользоваться данными личного архива П. А. Ровинского. По свидетельству В. К. Петухова, специально изучавшего этот архив, большая часть его материалов свидетельствует о неослабевавшем интересе русского слависта к истории, археологии, этнографии, фольклору и литературе Черногории конца прошлого — начала нынешнего столетия¹.

Говоря о бытовании народного эпоса, Меденица ставит вопрос и о влиянии печатных сборников и просвещения вообще на гусляров позднего времени. Эта мысль звучит в разделе о сборнике Драговича — Джуричковича, однако, по словам ученого, для обоснования ее он не располагает необходимым материалом. Сборник Джуричковича позволяет сделать вывод о том, что один и тот же гусляр при освещении современных ему событий с одинаковым успехом воспевал их то в духе традиционной старинной эпической песни, то в духе песни-хроники. Поэтому положение, что в новых песнях преобладает исключительно дух хроники, ученый считает заблуждением. Взаимодействие различных исторически сложившихся типов эпоса было сложным. Известны случаи, когда непосредственный отклик на события («хроничарске казивање») перерастал в так называемую «мотивскую песню».

Один из очерков своей книги Р. Меденица посвятил Новице Шауличу, знатоку и страстному собирателю народного творчества. Ученый напоминает о больших заслугах Шаулича в публикации лирических песен, рассказов и причитаний (тужбалиц). Вместе с тем в результате детального анализа сборников эпических песен, опубликованных Шауличем, автор приходит к выводу: эти тексты в науке о народной песне могут быть использованы только с большой осмотрительностью и при тщательном критическом анализе.

Много внимания уделяет Меденица рукописному сборнику Андрии Любурича. Записи этого собирателя — драгоценный документ по истории эпоса. Исследователь анализирует песни о наиболее известных гайдуках — Байо Пивлянине, Мияте Томиче, Вуке Мичуновиче, Вуке Томановиче, Никапе из Ровина, Лазаре Пецирепе, Вуке Лопушине. Специальный раздел посвящен характеристике певцов, записи от которых были сделаны Любуричем. Глава о Любуриче завершается рассмотрением структуры и стиля записанных им песен.

Проникновенно пишет Радосав Меденица о гуслярах нового времени — Петре Перуновиче и Танасии Вучиче.

Народная песня может рассматриваться только в органической связи со всей историей народа, его жизнью и борьбой. Многообразие этих связей обуславливает то обстоятельство, что каждый текст неотделим от широкого контекста вариантов и обработок. Поэтому один из принципов, который последовательно применяет Меденица, — контекстуальное изучение песни.

Р. Меденица тщательно анализирует варианты многих песен. Поскольку один и тот же сюжет рассматривается в разных главах книги, в связи с характеристикой разных певцов, читателю явно недостает указателей упоминаемых эпических героев, сюжетов и их вариантов.

Может быть, в ряде случаев был бы полезен выход за рамки исследуемого региона. Ведь и процессы, описанные Радосавом Меденицей, и сюжеты, им рассматриваемые, дают возможность для осуществления широкого типологического подхода.

Книга Р. Меденицы является несомненным вкладом в науку о народном творчестве. Ученый внес немало нового в освещение ряда вопросов теории и истории народного эпоса, обобщив итоги своей многолетней и плодотворной работы в этой области.

М. Я. Гольберг

¹ См.: В. К. Петухов, Из архива П. А. Ровинского, в сб.: «Славянские литературные связи», Л., 1968, стр. 260.